

воровать – тебе придется тратить деньги на контроль за ними... Получится замкнутый круг. В организации символы величия нужны убогому, они компенсируют его низкую самооценку. По мере увеличения конкуренции привычка к величию приведет к разорению.

Центральное слово любой реформы – достоинство. Униженный человек агрессивен. У нас в стране эта агрессивность выше нормы в несколько раз. Мы сталкиваемся с унижением человека на каждом шагу: в родительской семье, школе, армии, далее везде. И такое неуважение к простому гражданину – на каждом шагу Демонстрация уважения к каждому человеку при любых его взаимодействиях с другими людьми или государственными организациями должна быть главным символом демократических изменений. Позитивные изменения – и в компаниях, и в стране, начнутся только тогда, когда мы перестанем оглядываться на прошлое, смешивая символы Российской империи и СССР, серп и молот – с орлами и звездами, когда мы будем планировать не от «вчера», а от желаемого «завтра».

Все это можно сделать неким управляемым процессом. Что должно быть символом новой России? Через какие шаги двигаться, чтобы население могло освоиться в новой символике? Невозможно построить дом, если в голове нет подробного образца дома. Давайте попытаемся создать подробный план нового дома, в котором нет и не может быть незначимых деталей, – в семье, в компании, в стране.

Дары востока – аршин российский

Михаил Пронин,
к.м.н., коуч

Предисловие

Статья имеет самое прямое и самое непосредственное отношение к инновациям, о которых сегодня в России не говорит лишь ленивый. Но писалась она не на злобу дня, а как размышление об итогах прошедшего в Сеуле в 2008 году XXII-го Всемирного философского конгресса. От конгресса до написания и опубликования прошел почти год. К сегодняшнему дню минул еще один. Так что было время оценить, что в ней сиюминутно, а что достойно более пристального внимания и сейчас.

Год назад я получил неожиданные отклики отнюдь не от философов. Полагаю, что и в 2010 году, то о чем писал – найдет своего читателя. Надеюсь, что новый канал продвижения настоящей работы, если говорить маркетинговым языком, даст шанс российским руководителям, далеким от мировоззренческого уровня осмысления своей работы, взглянуть и на себя, и на Россию в новом ракурсе, имеющем самое прямое отношение к пониманию глубинного, не побоюсь этого слова – архитепического, – уровня духовной жизни нашей страны, определяющего невзгоды и радости российских инноваторов.

Как и в прошлом, статья публикуется с вполне очевидными читателю купюрами. Тем не менее, некоторые управленческие зарисовки, малоинтересные философской аудитории, в настоящем варианте работы сохранены.

Тщу себя надежной, что руководители увидят, зачем им нужна философия, как и чем она сможет им помочь в нелегком деле нововведений и прививок нового на родной российской почве. Декабрь 2010 г.

За каким благом едете?

Гость и хозяин – фигуры сакральные в пространстве жизни. Согласно народным верованиям, гость приносит семь благ: шесть из них оставляет хозяину, а одно забирает с собой.

Летом 2008 г. мне посчастливилось – и оглядываясь назад, могу подтвердить, что это действительно так! – побывать в Южной Корее на XXII Всемирном философском конгрессе (здесь и далее я, говоря о Корее, буду иметь ввиду только Южную), а по его окончании принять участие в культурно-просветительской акции Российского философского общества (РФО) – быть пассажиром и участником Философского поезда, что проехал с научными остановками по нашей стране с Дальнего Востока до Москвы. Участники конгресса встречались с коллегами на научно-практических конференциях во Владивостоке, Хабаровске, Чите, Улан-Удэ, Красноярске, Иркутске (с заездом на Байкал), Новосибирске, Екатеринбурге и Казани.

О тех благах, что я привез из трехнедельной поездки по Корее и по России, постараюсь коротко, но ничего не упуская, на сколько это возможно, рассказать: путешествие позволило оформить и сформулировать некоторые выводы из моих давних наблюдений и размышлений о наших российских реалиях. Подчеркну, что то, чем я собираюсь с вами поделиться, скорее сложилось само собой или даже «открылось», а не логически, рационально выстраивалось. Если бы поездки не было, не случилось бы и «откровения». Поэтому, извините, мизансцена, фон, подробности – это не мелочи, а фактура, из которой вдруг возник рельеф понимания. И чтобы мнение мое не повисло в воздухе, постараюсь представить вам почву, позволившую ему возникнуть.

Итак, это был уже мой второй философский конгресс и вторая масштабная общественно-философская акция, в которой я принял участие: в 2003 году члены РФО «ходили» на символическом Философском пароходе в Стамбул на предыдущий всемирный конгресс. Поэтому, не без труда, но я для себя уже открыл некоторые тонкости того, как и что спрашивать у коллег об их ожиданиях от участия в мероприятиях подобного уровня, как справляться о том, с чем они возвращаются обратно.

Участие в масштабных мероприятиях – многомерное событие в жизни ученого и многоплановая задача при ее планировании. У нее есть организационная, формальная, содержательная, культурная, деловая и чисто человеческие составляющие. Это то, что поддается рациональному прогнозированию и планированию.

Мое глубокое убеждение: человеческий посыл в любом деле должен быть глубже, сильнее и шире профессионального. Поэтому иррациональным компонентом такого путешествия выступают некоторые «чудеса» – блага, – которые ты неожиданно обретаешь в пути. Но к их нечаянному обретению тоже можно рационально подготовиться. Способ подготовки прост.

Реализация и усиление своего человеческого потенциала не только на подобного рода мероприятиях, но и в жизни невозможна, если у вас нет вопроса на который вы «ловите»: это как на рыбалке – если у вас нет крючка и наживки – на что ловить, то вы ничего и не поймаете.

В разговорах на пути в Сеул, интересуясь судьбой философа в современном беспокойном мире – в России и за рубежом – естественно, сама собой возникла тема: как им – «их» философам, там, «у них» в отличие от нас живется и почему. Один из коллег – профессор Владимир Пржыленский (Ставрополь) – высказал мысль, что «американские философы, в отличие от нас, участвуют в создании богатства страны». Идея показалась мне плодотворной и я задался вопросом: а как с данной установкой обстоят дела в Корее? Хотя, скорее его слова позволили облечь тему и вопросы о «судьбе философа» в конкретную форму.

Так возникла конкретная человеческая «оснастка», ключевой вопрос, с помощью которого я начал смотреть на свою поездку в Сеул, а затем и по стране.

Ключевой вопрос обладает очень интересными свойствами: это такой вопрос над которым можно размышлять годами, не находя и находя на него ответы. Именно он ведет человека по жизни, в профессии, предопределяя выборы и траекторию его «бытийствования». Его жизненную экзистенцию. Проявление его сокровенного.

Печально, если вопрос этот человеком не осознается. Но, если знаешь на что «ловишь», результаты часто превос-

ходят и ожидания, и планы, и предположения. В общем-то, все просто: люди растут в направлении тех вопросов, которые они задают. Скорее даже так: в направлении тех вопросов, которыми они задаются.

Поэтому не стоит подробности, на которые мы сейчас отвлечемся, рассматривать как лишние, второстепенные и не имеющие отношения к делу.

Хотите как лучше и заранее?..

Так вот, я, готовясь к поездке, хотел сделать все как лучше – по уму и заранее. На поверку получилось так, как у нас обычно бывает.

Поездка в Корею началась задолго до августа 2008 года и, конечно, с всем известных организационных моментов: с подготовки тезисов доклада, с регистрации и с оплаты конференционного взноса.

Как принято в организации подобного рода мероприятий, для тех, кто оплачивает свое участие заранее, имеются те или иные скидки. Такой возможностью решил воспользоваться и я. Но на поверку оказалось, что эта задачка на 250 американских долларов отнюдь не простая – ни для меня, ни для российской банковской системы.

Кто-то скажет, чего тут сложного – пошел и отправил деньги! И я так думал... Но я и предположить не мог, что с простым банковским переводом мой частный коммерческий банк (а это один из лидеров отрасли – в конце 2008 года его почтил своим присутствием сам В.В. Путин), да и я сам – справимся с большим трудом.

Пришлось ходить в банк семь раз.

Во-первых, для сотрудников банка оплата участия в международной конференции оказалась «особым случаем», как говорят в современной системе управления качеством. То есть, такой случай не подпадает под массовые процедуры, такие, как, например, процедура выдачи-погашения кредитов и осуществления платежей по банальным покупкам. На что, собственно, персонал и «натаскивают». Каждый раз после очередного прихода, когда говорилось, что наконец-то – «все!»,

вновь требовались очередные дополнительные документы и моменты, о которых сотрудник не знал.

Во-вторых, мой перевод, как оказалось, рассматривали в соответствующем комитете банка, требуя дополнительных подтверждений – кому это физическое лицо отправляет «такие бешеные деньги» за границу? Никаких скидок ни на науку, ни на сумму перевода! Все серьезно. Ведь деньги могут пойти на поддержку международного терроризма или просто «в наглую» отмываются или вывозятся за рубеж.

В-третьих, банк взял за перевод ровно ту сумму, что я мог сэкономить (50 у.е.).

Каков итог? Можно было бы не тратить время – просто по приезду заплатить весь сбор на месте, не связываясь с отечественной банковской системой.

Я бы об этом не рассказывал – продвинутые коллеги могут проронить с иронией, – что мол «чаще ездить надо и не попадать в подобного рода ситуации», если бы не продолжение этого сюжета в истории поездки.

Оно, продолжение, состоит вот в чем. Перестав удивляться состоянию настоящим образом поставленного отечественного банковского дела, я о сем страшном сне попросту забыл.

Но «дежа вю» возникло там, откуда не ждали.

В официальном приглашении с корейской стороны, которое разослали участникам, говорилось, что я, как и другие мои коллеги, должны будем доплатить еще 15 долларов, так как их «неожиданно» взял за услуги уже корейский банк. Об этом очевидном факте при организации платежей устроители конгресса как-то не подумали. Раздражение на «корейский подарок» возникло у многих. Не многое, что веселило в этой ситуации – так это осознание того, что, черт побери, и кореец, оказывается, задним умом крепок!.. Повееяло таким родным и до боли знакомым – неужели и там такие же живут?

Об общих выводах говорить не приходится, но задаться вопросами вполне можно. Например. Как вам реалии инфраструктуры поддержки науки в России? Почему персонал банка не знает, что с этим ученым делать – а я говорю об одном из лучших банков в России. Почему наш банк берет за свои услуги в три раза больше корейского? И другими, не менее риторическими.

Но и сюжет с 15-ю долларами имел свое продолжение. Почему-то по приезду никто о них не спросил, а на наши вопросы отвечали: «Не надо доплачивать!» Как и на наш вопрос – где заплатить за банкет на приеме у Мэра Сеула?

Но в момент регистрационной суеты я не обратил на эти обстоятельства особого внимания. На что же я смотрел?

Что в Корее хорошо и что в Корее плохо?

Не мною и давно замечено, что гости приезжают ненадолго, но видят очень многое!

Эта часть моего рассказа – не ложка дегтя в корейскую бочку меда и гостеприимства. Корейские коллеги к конгрессу готовились, но без накладок не обошлось (должно еще раз сказать об отсутствии в начале конгресса синхронного перевода на русский язык – на один из официальных языков всемирных философских конгрессов). Мне было интересно наблюдать не за тем «плохим», что неизбежно возникает во время подобного рода событий, а за тем, как и что корейцы делают с накладками, с несостыковками. Мой короткий рассказ – об этом аспекте «ложки дегтя».

История конгрессов насчитывает уже добрую сотню лет, но это был первый философский конгресс, что состоялся в Азии! Хотя и сей сюжет не без коллизий.

Преыдущий, о чем я уже обмолвился, проходил в Стамбуле, в Турции. Последняя, как известно – Евро-Азиатская страна, причем, большая ее часть находится в Азии. Тем не менее, конгресс проходил в европейской части Стамбула, на европейском берегу Босфора. Эту «географическую тонкость» корейцы отмечали неоднократно, подчеркивая тот факт, что сеульский конгресс – первый, что проходит в Азии.

Соответствующая статистика, думаю, будет представлена сполна и, как я вижу по публикациям в Вестнике Российского философского общества и других философских изданиях, она уже дается коллегами-участниками.

Очевидно, что человеку, что-то делающему в первый раз, многое прощительно. Метафизика же первенства состоит

в том, что того, «что прощительно», того, что мы пытаемся оправдать «первым разом», история никогда не прощает. Спустя некоторое время произошедшее становится де-факто стандартом, относительно которого ведется отсчет всех последующих улучшений, все просчеты первого становятся видны, их никто, никогда не забывает.

Так вот. Корейцы – надо отдать им должное! – постоянно, до последнего дня и минуты (!) работы конгресса вносили качественные улучшения в процесс, если говорить языком менеджмента, и приносили дополнительные ценности – такие, каких от них уже никто и не ждал. Иными словами, они постоянно двигались от ожидаемого – функционального, к неожиданному – к чуду!

Отдаю себе отчет в том, что часть коллег этого не заметила, не обратила внимания: обмен мнениями в философском поезде, а о нем ниже, меня в этом убедил. Потому-то и пишу столь подробно.

Разве не чудо то, что конгресс закончился выступлением хора студентов-волонтеров (как мне показалось, на сцене стояли человек двести)? Дирижировал хором ректор университета. Кто ждал такого?

Согласитесь, нетривиальна и управленческая постановка задачи – на фоне выполнения «функционала» сделать еще и «художественную» часть. Причем нагрузки и занятость для волонтеров были очень высокими: с самого раннего утра – с регистрации, начинающей работать за час до начала конгресса, и до глубокой ночи – на сопровождении вечерних приемов и на развозе всех участников по гостиницам.

Вот пример. В завершающий день после закрытия конгресса мы с коллегами гуляли по Сеулу до полуночи и, возвращаясь в гостиницу, проезжали в метро станцию «Сеульский университет»: в вагон вошли волонтеры, легко узнаваемые по голубым футболкам организаторов конгресса. Они только что освободились и ехали домой. У каждого в руках было по два портфеля, какие получали участники конгресса – заслуженная волонтерами награда! Да, подумал я, и здесь руководители не пожалели добра – отдали студентам. На память мы сфотогра-

фиrowались в вагоне метро. Настроение было у всех хорошее: у нас, потому что мы успели еще 6 часов погулять по Сеулу, а у ребят – потому что они закончили работу, получили награду и едут по домам отдыхать.

Итак, система менеджмента во время конгресса эволюционировала на глазах. Причем каждый раз изменения затрагивали всю систему работы с «плохим»: она вся качественно менялась, менялась принципиально – эволюционировало организационное решение проблем.

В первые дни на все проблемы «бросали людей» – волонтеров-студентов (их, кстати, надо было заранее со всей Кореи отобрать, собрать, расселить, подготовить и пр.). Причем все ими делалось с непередаваемой корейской открытостью и вовлеченностью в процесс оказания помощи – восточное гостеприимство в действии (гамсахамнида – корейское спасибо, не сомневаюсь, многие запомнили на всю жизнь).

На третий день вездесущие волонтеры неожиданно куда-то исчезли. Но... появились информационные стенды с описанием времени и места отправления автобусов и все прочей необходимой информацией.

Волонтеры же начали распространять книжку с дополнением к сборнику тезисов. В первый день выяснилось, что были «потеряны» тезисы участников с фамилиями, начинающимися на букву «К», и частично на «Л» и «М» (к слову, я себя не нашел на букву «П» – Пронин, но обнаружил на букву «М» – Михаил, – к зависти коллег с фамилиями, начинающимися на букву моего имени). Но вся трагикомичность ситуации оказалась в том, что каждый второй в Корее носит фамилию Ким: из основного сборника выпали почти все корейские участники!

Ситуация знакомая – аналогичная проблема была и на конгрессе в Стамбуле (а, со слов «старожилов-ветеранов», и на предыдущих конгрессах), но дополнительного турецкого сборника, на сколько я знаю, российские коллеги так и не дождались. Здесь же все было сделано в два дня.

Затем появились диски с записями национальной корейской музыки и с информационными фильмами о Корее, оформленные на корейском, русском, английском, китайском и арабском языках.

Отдельная история с организацией синхронного перевода пленарных заседаний на русский язык (огромную и исключительную роль в решении этого принципиального вопроса сыграл А.Н. Чумаков – вице-президент РФО). Мало того, что перевод был организован – правда, переводил наш участник Николай Бирюков – отдельное ему спасибо! Корейская сторона посчитала необходимым и провела торжественный вечерний прием российских участников в одном из лучших ресторанов и отелей Сеула. Инцидент, что называется, был полностью исчерпан.

Так что дело не в «ложке дегтя», а в том, что делали с недоработками и несостыковками организаторы конгресса и как.

По всему в поведении корейцев было видно, что для них конгресс – наисерьезнейшее и наиважнейшее государственное, научное, общественное и культурное мероприятие. Откуда такое отношение и государства и общественности? – думал я, сравнивая с последним Всероссийским конгрессом в Москве.

Зачем Корее философия?

Участвуют ли корейские философы в создании богатства своей страны, в построении будущего своей нации? И если да, то как? И вообще, зачем Корее философия?

Эти вопросы я имел возможность задать всем «руководителям» корейской философии – председателю программного комитета конгресса, его заместителям, руководству корейского философского общества и другим уважаемым коллегам – деканам философских факультетов нескольких ведущих университетов страны.

Спрашивал я вместе с российскими коллегами – Аврора Пружинина, ответственный редактор журнала «Философские науки», выступила инициатором таких встреч и интервью (см. журнал «Философские науки», № 1 за 2009 год). Естественно, что задавались и более очевидные и традиционные вопросы, думаю, коллеги в своих статьях напишут об этом, если уже не написали.

Реакция на мои вопросы была не менее важной, чем сами ответы. Она была очень человеческой и открытой. Было вид-

но, что моим собеседникам самим интересно отвечать на мои вопросы. Не менее живой интерес вызывали ответы корейских философов у моих российских коллег, с которыми я делился услышанным во время поездки в философском поезде.

Что же отвечали корейские коллеги-философы?

Ответы я представлю в двух частях, вторая – с неожиданным (чудесным) для меня российским продолжением.

– Мы занимаемся вестернизацией страны, – отвечали корейцы, – со времен Второй мировой войны мы внедряем западные технологии, к нам приходит западный образ жизни, западная культура. Все это приводит к тому, что наша страна меняется, меняются и люди, но нам важно сохранить свою самобытность и самоидентичность в меняющемся мире. Самоознание и самоидентичность – это вопрос философский. Нам важно и сохранить традиционное, и внедрить, освоить новое. Для этого нам нужна философия.

– Практика внедрения западных технологий показала, что их освоение невозможно без знания культурного контекста, системы ценностей и установок людей, такие технологии создающих. Невозможно применять идеи и технологии, не понимая того, что за ними стоит. А это тоже философские проблемы, вопросы и задачи.

– И, наконец, обсуждая с руководством страны и бизнесом сам факт проведения в Сеуле Всемирного философского конгресса мы вдруг обнаружили еще одну очень важную функцию философии, ее предназначение...

И когда мы это главное практическое предназначение философии поняли (мы – это и философы, и правительство, и бизнес, и общественность, и средства массовой информации), проведение конгресса было поддержано на самом высоком уровне.

Почти цитирую: «...на всех уровнях: конгресс был поддержан на государственном, политическом уровне (на открытие прибыл Премьер-министр); на культурном уровне (описание культурной, концертной, программы конгресса заслуживает отдельного внимания). Конгресс был поддержан на финансовом

уровне, был поддержан организационно. Поддержана наука и философия – практически все философы, кафедры философии университетов Кореи могли принять участие в конгрессе».

Вот тут все встало на свои места: и вопрос с неожиданно «прощенными» нам 15-ю долларами, и с бесплатным банкетом на приеме у Мэра Сеула, и прекрасные концерты при открытии и на торжественном приеме в Мэрии, и шикарный вечерний прием ректора Сеульского университета на университетской лужайке, и прощальная вечеринка, и пр.

Но был и еще один ответ в форме дружеского ответного вопроса, о котором, как и о главном «открытии» корейцев о роли философии в успехе их страны скажу ниже.

С этими благами я и поехал по России, возвращаясь в Москву философским поездом.

Поездка в поезде – отдельная тема для рассказа и философского осмысления.

Пока же забежим немного вперед: история разговоров о значении философии имела совершенно неожиданное продолжение в Москве.

Какую философию Правительство России предлагает молодежи?

По приезде домой я имел возможность задать «ключевой» вопрос помощнику президента Российской Федерации – помощнику Д.А. Медведева, – по экономическим вопросам Дворковичу Аркадию Владимировичу во время его выступления и встречи со студентами Международного университета (в Москве).

Такие VIP-встречи в университете – традиционные, они открыты, их, как правило, ведет сам ректор – Сергей Николаевич Красавченко. На встречи часто приходят журналисты, и наши, и зарубежные.

Началось общение с опоздания – помощники люди занятые. Вопросов было много: о курсе рубля, о стабилизационном фонде, о ситуации в экономике, о США как о виновнике кризиса, о прогнозах – обо всех очевидных и часто обсуждаемых в прес-

се и на телевидении вопросах, связанных с важностью экономики для жизни страны и с мировым экономическим кризисом.

Возможность задать последний вопрос досталась мне. Я представился и сказал:

– Аркадий Владимирович, мы встречаемся в преддверии приезда в Москву Президента Южной Кореи (дело было в конце сентября 2008 года), готовятся к подписанию целый ряд соглашений и договоров между Россией и Южной Кореей в области финансов, инвестиций, науки и промышленности.

– Да, это произойдет буквально на следующей неделе, – подтвердил А. Дворкович.

– Так вот, я только что вернулся из Южной Кореи, с Всемирного философского конгресса, где имел возможность поговорить с ведущими корейскими философами и задать им один вопрос – зачем Корее философия? Участвуют ли корейские философы в создании богатства страны, определяют ли будущее нации? На что получил ответ. И этот ответ хочу переадресовать вам в качестве вопроса.

– Да, давайте.

– Они мне ответили следующее. При подготовке к конгрессу мы поняли самое главное: что за последние пять десятков лет мы сменили несколько типов экономик. А это значит, что экономика страны сегодня в современном мире ничего не значит, раз ее приходится регулярно менять.

Тут я сделал паузу... Тишина в зале повисла гробовая.

– А чтобы ее менять, надо исходить не из существующих, текущих обстоятельств, а смотреть на мир и на самих себя с точки зрения будущего, с более высокого горизонта. И такой горизонт, несомненно, – мировоззренческий, философский. Это сегодня поняло правительство Кореи, это понял корейский бизнес, это поняли деятели культуры, поняло простое население, это поняли и мы – корейские философы. (Это тот тезис о котором я выше умолчал.)

Аркадий Владимирович, практически все вопросы, что вам здесь задавали студенты, журналисты, коллеги – касаются будущего.

Скажите, какую философию и идеологию сегодня российская власть, правительство предлагает молодежи? Какое мировоззрение обеспечит молодежи успех в жизни?

Мои последние слова висели уже в звенящей тишине.

После встречи я накоротке переговорил с коллегами из университета, хотел узнать их мнение об ответе помощника президента. К слову, даже вопросы об этом задавать не пришлось, сами подходили и высказывали свое мнение.

– Михаил Анатольевич, ну что вы сами не видите что ли? Культурные люди там (в правительстве. – М. П.), правильные слова знают, правильно говорят, – но это все пустое или все по отдельности: как мухи и котлеты. Не видят и не понимают они этого...

Кто-то из вас может заметить, что этот вопрос надо задавать не А. Дворковичу, а В. Суркову. Иные скажут, что он экономист, а не философ и пр.

Замечу только: «Он – государственный деятель! А в работе любого руководителя – и тем более государственного деятеля – человеческий посыл должен быть шире, глубже и сильнее профессионального. А это – задача философии».

Ну что ж – не понимают! Но мы-то, философы, – должны понимать, отдавать себе отчет в том, что они не понимают.

И в Корею до конгресса этого тоже не понимали, не осознавали. Кстати, ни власти, ни философы!

А что они осознавали из того, чего они не понимали? Оказывается это непонимание касается и нас – россиян. (Сложно сформулировал? Немного терпения.)

Чего про нас – про россиян – не понимают в Корее?

Уже очевидно, что разговоры у нас в Корею были открытыми: мы задавали серьезные, не простые вопросы, но и нам тоже в ответ «досталось». Думаю, что надо рассказать про «шпильку», которую мне вставили корейские коллеги в плане дружеского ответа вопросом на вопрос.

– Да, Михаил, экономика для государства важна, как тело – для человека. Но тело не может управлять духом, не может управлять человеком. Работа с духом традиционно была прерогативой религии. Но религия в таком практическом деле, когда речь идет об экономике, о создании будущей страны – не очень хороший помощник. Воля и дух государства, нации – это философская задача.

– Посмотрите, какая у вас Россия большая, какое большое тело... и какая у вас экономика. И посмотрите на Гонконг: какое маленькое тело, а какой дух, какая у Гонконга экономика! Почему такая разница между вами – Россией, и Гонконгом? Что вам мешает развиваться такими же темпами? Вот этого мы в Корею не можем понять.

Ну что, коллеги, не находите, что это очень хороший вопрос нам со стороны корейских философов? В каком измерении лежит ответ на него?

Чем померить Россию?

– Мы, корейцы, с вами, русскими, очень похожи!

Услышав такое по приезде в Корею, я, честно говоря, немного опешил.

Как опешил и Вадим Недорезов – мой коллега-попутчик по незабываемому путешествию, когда разговаривая во время конгресса с одним корейским философом, он стал объяснять тому, где в России расположен его родной город. Полагая, что в Корею скорее знают Новосибирск, начал откладывать маршрут от него. Новосибирск, на поверку не знали.

– А, Оренбург! Конечно же знаю! – отозвался с искренней радостью корейский философ.

– Откуда?

– Ну, как же: Пушкин! «Капитанская дочка»!

Историю эту я с десятков раз с большим удовольствием слушал в короткие минуты отдыха от боевых дискуссий на редких философских привалах во время поездки.

...Так что, присмотревшись и пообщавшись с коллегами, убедился в правоте корейцев. Так в чем наша с ними похожесть?

Похожесть – в инвариантности некоторых антропологических констант, похожесть – в подобию операторов, структурирующих бытие. Речь идет не о глобальных категориях: идеальное – материальное, сущность – явление и т.д., а об антропологических – простых человеческих измерениях. Но так ли уж они просты – эти человеческие измерения?

Конкретное психофизиологическое наполнение ощущения масштабов страны после философского поезда, – один из главных антропологических результатов поездки. Для меня.

Как-то на круглом столе в одном «высоком собрании» я поделился таким результатом. Первые реакции участников были не самые «благоклонные», если скромно опустить некоторые прозвучавшие тогда мнения: для многих такой результат – пустые слова.

Пришлось сослаться на «пустые слова» Д. А. Медведева, высказанные им в одном из интервью, – на его опыт, полученный в результате поездок по стране в бытность его руководителем Национальных проектов, когда за два с небольшим года он объездил более 60 регионов: «Ощущение и понимание страны после таких поездок у меня очень сильно изменилось». (Цитирую его не дословно.)

Прием в дискуссии, конечно, запрещенный, но иногда единственно возможный, если есть необходимость ее продолжить. Проще не говорить об этом.

Вопрос, тема, проблема такого антропологического измерения – не проста, и на мой взгляд, заслуживает внимания и пристального рассмотрения.

При том, что такое измерение нельзя оставить на уровне метафоры, свести к измерению «самим собой», его недостаточно отослать к проблематике «человекомерности», «человекоразмерности» или антропоморфизма пространства и времен, человеческого бытия, и даже, если указать на успехи в решении многих теоретических и методологических вопросов, комплексных проблем изучения человека, такое измерение даже на уровне метафоры обладает большой эвристической силой, выступая антропологическим оператором, конструктом, структурирующим время, создающим одухотворенный ланд-

шафт в пространстве, конструктом, вычленяющим витальность из природного и вещного бытия человека. Конструктом, требующим фиксации, понятийного раскрытия и философского осмысления.

Для иллюстрации расскажу об одной встрече, о человеческой беседе, о человеческом измерении. Как-то в умирающей деревеньке, всего в верстах трехстах пятидесяти от Москвы, я разговорился с местной старушкой. Сидели мы в ее дворике на завалинке.

– До войны наша деревня веселая была, – сказала она с ностальгической ноткой в голосе.

– Бабуль, а что значит веселая? – уточнил я.

– О-оо, мии-лаай, – четыре гармониста на деревне было! – ответила та нараспев, поведя головой и давая понять, что нынче не то, что давеча.

(В том регионе, который так замечательно описал главный враль Москвы, как называли И.С. Тургенева современники, говорят нараспев. Некоторые специалисты считают, что палеолитический человек не говорил, а пел. Корейцы, кстати, очень любят петь, но не танцевать. На весь Сеул всего лишь одна дискотека в районе педагогического университета. И еще танцуют рядом с американской военной базой, естественно, сами американцы.)

– Ну и что? Что тут веселого?

– Как что? Выйдешь, бывало, в праздник за калитку – и не знаешь куда идти! Со всех сторон играют!.. А сейчас все по домам телевизоры смотрят, да и гармонистов нет.

Измерение деревни «гармошками» было для меня открытием!

А как вам такое измерение – гармонистами или гармошками?

Домами, дворами, числом жителей, поголовьем коров или лошадей, церквями – при наличии уже село, – школой, медпунктом, клубом, маслозаводом – привычно. Как общеизвестны и базовые показатели оценки человеческого потенциала страны. А чем простой человек измеряет витальность пространства?

Вот об этом «общероссийском» аршине я и собираюсь немного рассказать и поразмышлять.

Так вот. Общеизвестно, что в деревне все знают всех. Мой отец, хоть и ездит в деревню уже более сорока лет, считается «дачником». Правда, как говорят некоторые «ключевые» жители, он единственный из дачников, которого мы уважаем.

Первый двухэтажный дом, что построен в деревне – у отца. Деревянный брус, двадцатка.

Николай, местный житель – потомственный кулак и при советской власти, и сегодня – поставил себе двухэтажный кирпичный... гараж.

– Николай, а зачем тебе гараж со вторым этажом? – спрашиваю я у него?

– Да летом иногда хожу на втором этаже спать, если поздно приезжаю, – отвечает он.

– Слушай, у тебя – дом, у жены, у отца – дом, один он в нем живет, мать твоя одна в доме живет – и все дома – огород к огороду. Зачем в гараже спать?

Молчит.

Другая задача – все должны видеть, что он хозяин – не хуже москвичей: у него тоже есть два этажа!

Деревня российская, развивается через подражание, через «обезьянничанье» в хорошем смысле этого слова. Построит кто-нибудь летнюю кухню – постепенно все начинают кухнями обзаводиться. Поставит кто-то баню во дворе – все друг за другом ставят.

В советское время в Белоруссии так деревни «обновляли»: ставили новые дома на въезде и на выезде из деревни. Постепенно вся деревня начинала строиться. «Строится» – это слово такое, означающее то, что имярек строит себе новое жилье.

Самое страшное в деревне – быть первым и последним. Первым – жена одернет: «Сиди, дурачина, простофиля, куда лезешь!» Последним – опять же жена: «Чего сидишь, у всех уже есть и нам бы давно пора!»

Скажете – на то она и деревня! Ну-ну. И я так думал, пока в Философском поезде по стране не проехал.

Зачем японское яйцо к русской Пасхе?

«Что город, то норы, что деревня, то обычай» – пословица известная. Но на поверку же оказалось, что все одним миром мазаны. Поездка в Философском поезде позволила это явно увидеть.

И не мне одному стали доступны подобные выводы и широкие обобщения.

Так, общаясь с коллегами и обсуждая результаты поездки, я услышал такое мнение или, если хотите, даже заключение: «Мне удалось увидеть прошлое, будущее и настоящее России. Прошлое наше – это Новосибирск, наше настоящее – Красноярск, а наше будущее – это Сеул». Не находите, что это тоже антропологическое измерение. Так что в будущем мы точно на корейцев будем похожи! А с учетом азиатского фактора в современном мире и нашего южного соседа – Китая – прогноз, имеющий под собой и биологическую подоплеку.

Кстати, про простые вещи. Черный хлеб – ржаной – на всем пути от Владивостока до Москвы (включительно!) в «общепите» подали лишь в Красноярске! Куда уж проще – мука, вода, огонь, дрожжи, соль и... человек. Простого черного ржаного хлеба сегодня в России нет. Дураков мало нормальный хлеб печь, как и картошку правильно сажать. Нормального пломбира, советского, днем с огнем не сыщешь! В Москве в особенности. Если раньше в Москву везли лучшее, то теперь всякое: Москва – она все съест!

Кстати, специально разговаривал о мороженом с генеральным директором союза мороженщиков России, кандидатом философских наук (!) В.Н. Елховым: по их проверкам до 50 % мороженого в Москве мороженым как таковым не является! (У них есть сайт, вестник – можете посмотреть, где в России еще мастера с совестью и руками остались).

Такие вот времена. Ни картошку сажать как надо, ни мороженое делать по совести – дураков нет.

Но, едем дальше.

Что у вас можно (нужно) посмотреть? – вопрос очевидный, когда приезжаешь в новое место. Часто и спрашивать не надо –

гостеприимные хозяева сами предложат, отвезут, покажут, похвалятся. Благо, что в стране есть что показать, есть чем похвалиться.

Во Владивостоке нас сводили к восстановленной триумфальной арке, посвященной приезду в город наследника Российского престола, будущего Императора Николая II. Восстановленная арка, установленная по тому же поводу, «неожиданно» порадовала нас и в Улан-Удэ. Когда я отвечал, что и во Владивостоке по аналогичному поводу поставленную арку восстановили, многие местные жители удивлялись, считая, что лишь они одни «передовики».

История города Хабаровска во многом похожа на истории окружающих его городов-соседей. Сам Ерофей Павлович Хабаров в Хабаровске никогда не был, но памятник ему стоит на привокзальной площади, правда, чем-то он напоминает Тараса Шевченко. Но может, просто злые языки.

Показали нам памятник и настоящему основателю города – взводному отряда Е.П. Хабарова, который, по его приказу, поставил в этом месте казацкий острог. Прекрасной лепки лицо основателя легко узнается в бронзе, хотя его прижизненных портретов не сохранилось.

Подобная история с памятником основателю города повторилась по ходу движения поезда еще раз. Его установка была представлена местными властями как завоевание нового времени. Ерничая, поинтересовался портретом – с кого, мол, лепили, – не с того ли, что и в Хабаровске? Надулись. Но отшутились: «А памятник-то все равно должен быть!» Да кто бы был против! Портрета нет, но ваять-то памятник надо!

В Иркутске монументальность памятника Александру III поражает. Настоящий человек – махина! – на настоящем месте: на берегу мощной и красивой сибирской реки. (Как и памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому в Хабаровске.) И ничем не хуже арки.

И историю страны в Иркутске понимают правильно – из песни слов не выкинешь: памятник А.В. Колчаку поставили. И советские сохранили.

Но и Красноярск не лыком шит: напротив городского культурного центра – еще в советских планах здание предназна-

лось под музей В.И. Ленина – стоит пароходик «Св. Николай», на котором Ильич в ссылку ходил. Каюта там его, мемориальная, а рядом каюта-музей будущего императора Николая II, который на сем пароходике в свое время осматривал достопримечательности. Местные краеведы шепотом намекнули – возможно, каюты перепутали! А может и пошутили... Да кто его знает.

Скажете – чего это он – я себя имею в виду – анекдоты рассказывает! Баек насобирал и за философию выдает!

Извините, но анекдот еще впереди, как и задачка с пальмами. А пишу для того, чтобы мой вывод о современном менталитете России не показался голословным и умозрительным. И чтобы история про второй этаж в гараже не просто так была рассказана.

Так вот. Городская скульптура – еще оно измерение.

– А у нас в Иркутске есть памятник сантехнику (или не в Иркутске)!

Так и хочется продолжить за спрашивающим: «А у вас?»

И в другом городе он тоже есть, что мы по дороге проезжали! И в Омске, который мы не проезжали, он, оказывается, есть тоже! Ну что добавить к этому: «А у нас в Москве – дворнику в виде Ю.М. Лужкова!» Как вы думаете – кто скульптор? Догадайтесь с трех раз!.. Правильно! Зураб Церетели: в его Галерее искусств Юрий Лужков с метлой стоит.

Памятники сантехникам по городам и весям страны – современный российский анекдот: в провинции – малых форм, а в Москве – столичных! Так что московские «баталии» вокруг Петра и других шедевров З. Церетели – всего лишь вершина общероссийского айсберга! История установки памятника А.В. Колчаку в Иркутске – того же поля ягода.

Но самое сильное проявление нового – это, несомненно, Красноярск! Как съездит мэр за море, так новое веяние: городская скульптура, и фонтаны, и «Биг Бэн» (часы, такие же, как на той самой лондонской башне, на здание красноярской мэрии водрузили). Поначалу горожане опешили, потом стали подсмеиваться над мэром, а теперь гордятся! Есть же что показывать и о чем рассказывать!

Ну, вот, теперь и задачка про пальмы.

Несколько лет назад Мэр Красноярска решил летом выставить на бульварах города пальмы в кадках – настоящие, большие пальмы. Говаривают, что он такой фокус в Стамбуле приметил, а может еще где. И сегодня пальмы стоят! И красиво стоят.

Но пальмы после первого года погибли. Вопрос задачка: от чего? От чего в Сибири пальмы могут погибнуть?

Думаете от мороза? Не правильно!

Вообще, проблема инноваций или нововведений характеризуется тем, что возникает новое пространство, в котором начинают действовать другие законы, в котором наши старые представления не работают. Невозможно просчитать «по полноте» все возможные исходы и события, опираясь на старые представления и опыт – последний, надеюсь, это очевидно – отсутствует!

А теперь правильный ответ.

Пальмы погибли от... жары! Сгорели на солнце! Климат резко континентальный, сухой, летом не хватает влажности! А полив не обеспечили должный.

Теперь с пальмами все нормально! Как и с водной стихией в городе. Спросите, а разве были проблемы? Чай, Красноярск на Енисее стоит!

Были. Самое интересное, что в Красноярске, оказывается, нет реки.

Енисей есть, а реки в жизни горожан – нет.

Перед городом плотина. Вода идет из нижних слоев, зимой и летом одной температуры и одного цвета, никогда не прогревается: ни покупаться, ни отдохнуть на воде, и никогда не замерзает: ни на льду на коньках покататься, ни подледным ловом заняться!

Хотя есть исключения. Члены Философского клуба Красноярска после заседания в Философской бане (есть и такие бани в России!) в Енисее остужают философский дискурс. Говорят, что мысль сразу же выстраивается. Но как вы понимаете, философ – сущность редкая, не массовая.

Сегодня фонтаны, которых в городе сегодня очень много, привнесли воду в жизнь красноярцев. Более того, Фонтан си-

бирских рек – могучий Енисей, принимающий красавицу Ангара, с фигурами прекрасных женщин, олицетворяющих его притоки, – «встроен» в пространство города. Был один Енисей, а теперь их два, да еще и все сибирские реки! Во как!

Но и здесь картина узнаваема: в Саранске, столице Мордовии, красноярский аллегорический речной поток в виде фонтана Сибирских рек представлен искусственным ручейком, олицетворяющим речку Саранку. Архитектурно-пространственное решение очень похоже на красноярское.

И водную гладь речушки Саранки, которая никакого значения в жизни города, кроме топонимического, давно не имеет, искусственно расширили запрудой! И еще одна Саранка – фонтан, – впадает в настоящую Саранку. «Вставили» речку в городское пространство!

И, наконец, об интриге, что вынесена в название раздела, о японском яйце.

В нескольких городах, что мы проезжали, раскинулись маленькие японские или китайские садики – подарки наших восточных и южных соседей! Все ими гордятся. Обязательно показывают гостям.

В Иркутске местные «духи города и земли иркутской» – Галина и Сергей Коробовы, известные в своем городе и в Сибири книгоиздатели историко-краеведческой литературы, – специально подвезли меня к городской малой архитектурной форме: подарку японского народа.

К слову, описание путешествия по иркутским городским артефактам и диковинкам, что они мне организовали, – отдельная история. Вам же настоятельно рекомендую изданную ими книгу «Иркутская земля: через годы, через расстояния...», которую и зачитать и засмотреть можно до дыр – настоящие «путеводные заметки» по иркутскому архипелагу.

Но вот мы на месте. Прямоугольный каменный столб, можно сказать – стела – с вырезом наверху в форме яйца. А вот то, что вырезали – яйцо.

Яйцо – большое, каменное – лежит рядом на каменном постаменте.

Пытаюсь, силюсь осмыслить концепцию, величие замысла и мастерство исполнения японских мастеров. Зачем заехали к сему «поштаменту»? Что я могу и должен здесь увидеть? В чем суть послания японского народа нам, россиянам? Не елицинская ли это загогулина?.. Чем черт не шутит!?

– Михаил, видишь яйцо?

– ...?

– Народ его перед пасхой – красит!

Тульский Левша уж, почитай, два века как блоху английскую подковал (времена те были в царствование императора Александра Павловича, осмелюсь напомнить), а иркутяне в XXI веке – яйцо японское покрасили!

Какой он – общероссийский аршин?

Аршин – ментальный, антропологический!

Рассказывал в Москве олигархам о национальных особенностях русской жизни, о своем опыте и ощущении, возникшем после поездки на конгресс и по стране... И мне в ответ заметили: «Ездил тут по делам – в Комсомольск-на-Амуре. Так из гаражей не выходил... Три-четыре этажа. На первом машины ставят, выше – VIP-зона для приемов, еще один этаж – остаться переночевать, плюс подвал. И это гараж! Народ в гаражах отрывается!»

Если заметили, не написал про Новосибирск, Екатеринбург и Казань.

Про Новосибирск писать нечего – это наше прошлое, согласен с коллегой!

Екатеринбург, как и Питер, окружены Ленинградской и Свердловской областями. Еще что-то добавить? Видны параллели в сюжетах?

С нами ехали в поезде китайские, корейские, испанские, турецкие и словенский философы. На наш вопрос, где им больше всего понравилось, ответили, что в Казани, потом в Красноярске. Меньше всего – в Новосибирске. Это, что называется, телеграфно.

Велика Россия, а измерение одно: до сих пор страна по менталитету – деревенская! Ни индустриализация ее не взяла, ни ликвидация неграмотности, ни идеология!

Плохо все это или хорошо? Да ни то, и ни другое! Понимать это все просто надо. Принимать как есть и учитывать при планировании и реализации стратегий развития страны.

Поделился своими мыслями и наблюдениями с коллегами из Франции. Они назвали еще один показатель «чисто деревенского» менталитета – высокую скорость распространения слухов, заметив, что и Франция – тоже по своему деревня. Так что получается – не мы одни в мире такие «деревенские».

PS (2009 г.).

Статья писалась долго, и у редакции свои планы и приоритеты. Доехали мы всей страной до «кризиса». И сегодня видно, что антропологический аршин свой правительство в мешке не утаит.

Еще в Корее во время банкета у Мэра Сеула, сидя за одним столом с послом Анголы в ЮНЕСКО, философом по образованию и по призванию, господином Almerindo Jaka Jamba, в который раз задал свой вопрос: «Господин Альмериндо, зачем Анголе философия?»

– У нас война идет уже более 40 лет. Выросли и повзрослели поколения людей – дети, отцы и деды, – поколения, которые ничего, кроме войны, не видели в жизни. Ничего другого они не представляют. Изменить и возродить страну без философии, без мировоззрения мы не сможем. Это наше правительство понимает. Поэтому я здесь – на конгрессе!

У нас в стране растут поколения людей, которые многого не видели, в отличие от старшего поколения (в Институте философии РАН сегодня всего 32 человека моложе 40 лет).

И нам – нашему обществу – надо ответить на самые простые вопросы. Зачем нам философия? И что с нашим духом – почему у нас не такая экономика, как, например, в Гонконге?

И пока мы на них не ответим, не надо задаваться вопросом: «Почему был «стабфонд» – да сплыл!»

А чтобы на них ответить, мозги поменять надо. Или хотя бы мышление двухсотлетней давности, что зашито в страну как неререфлексируемый архетип.

Тут, что называется, на днях, В. Путин во время встречи с народом (показывали по телевидению, восстанавливаю не дословно) разъяснил, что «понимаете, еще никогда в мире не было такого кризиса – никто ничего сказать не может, даже на Западе».

Ну что тут скажешь! Да чего ж тут нового?

А если экономику менять на новую, то этого тоже никогда еще не было!

А где взять специалиста по созданию атомной бомбы, если ее еще никто в мире не делал?..

«Бабы каются, а девки замуж собираются!» – ой, не об этом же?

Тот же самый класс задач! И ситуации однопорядковые!

Управленческое мировоззрение менять надо с такого «как всегда» и «хотели как лучше», на то, каким оно должно быть в XXI веке, веке глобальных перемен. Или хотя бы на корейское.